

бернард
[вербер]

: древо ВОЗМОЖНОГО
*и другие
истории*

Среди множества удивительных книг Бернарда Вербера «Древо возможного» занимает особое место.

Это сборник рассказов-гипотез, рассказов-предположений, в каждом из которых, как сжатая пружина, заключена история нашего будущего.

Автор показывает нам, каким станет мир, если...

...если в центр Парижа упадет огромный вонючий метеорит,

...если инопланетяне будут разводить нас, как домашних животных,

...если окажется, что деревья – разумные, мыслящие существа,

...если ваша собственная рука поднимет против вас бунт...

Оказывается, будущее – это вполне управляемая стихия, подвластная нам, но думать о нем надо заранее...

Бернард Вербер
ДРЕВО ВОЗМОЖНОГО
и другие истории

Посвящается Тициане

Предисловие

Когда я был маленьким, отец всегда рассказывал мне на ночь какую-нибудь историю.

А потом я видел ее во сне.

Каждый раз, когда мир казался слишком сложным, я придумывал сказку, в которой было немного от моих неприятностей. Это приносило немедленное облегчение.

В школе дети просили меня сочинять для них небылицы. Часто эти истории начинались словами: «Он открыл дверь и оцепенел».

Со временем рассказы становились все более и более невероятными. Затем это превратилось в игру с единственным правилом – найти проблему, а затем ее необычное решение.

Когда я писал первый роман, то, чтобы не разучиться быстро придумывать сказки, тратил один час вечером на сочинение историй. Так я отдыхал от утренних трудов, посвященных созданию «серьезных романов».

Сюжет для новеллы рождался из наблюдений во время прогулки, из разговоров с другом, из снов, из горестей, от которых я хотел избавиться, переместив в рассказ.

На «Тайну цифр» меня вдохновил разговор с моим маленьким племянником, который поведал, что в его классе существовала иерархия, делившая учеников на тех, кто умел считать до десяти, и на тех, кто умел считать и дальше.

Идея «Черноты» пришла мне в голову, когда я увидел, как слишком заботливый прохожий пытался перевести через дорогу старика, которому это совершенно не было нужно.

«Последний бунт» написан после посещения дома престарелых.

«Молчаливый друг» – после беседы с профессором Жераром Амзалагом, биологом, изучающим различные формы жизни. Научное открытие, описанное в новелле, малоизвестно, но совершенно реально.

Некоторые детали из «Научимся их любить» войдут в пьесу, которая называется «Наши друзья человеки».

Мне всегда было интересно, говоря о нас, людях, становиться на точку зрения отличных от нас существ. Это неисчерпаемый источник для размышлений. Я уже использовал прием «экзотического взгляда на человечество» в «Муравьях», где мой герой, номер 103, пытается понять поведение людей, смотря новости по телевизору, и в «Империи ангелов», где Мишель Пэнсон наблюдает за смертными из рая и с горечью убеждается, что они пытаются «уменьшить свои несчастья, вместо того чтобы строить счастье».

Муравьи и ангелы: две точки зрения на человека – от бесконечно «низкой» до бесконечно «высокой». В этой книге будет бесконечно «иная» точка зрения.

«Древо возможного» – изобретение, о котором я мечтаю с тех пор, как проиграл в шахматы компьютеру. Если куча железок способна предвидеть любые возможные варианты развития партии, почему бы не заложить в нее всю совокупность человеческих знаний, все гипотезы будущего, чтобы она выдала возможные варианты развития нашего общества на короткий, средний и продолжительный отрезок времени.

«Школа юных богов» – набросок будущего романа, продолжающего «Империю ангелов». Его проблематика – воспитание и повседневная жизнь одного из богов, управляющих нами.

Эти новеллы помогут читателю понять, как рождаются мои романы.

Каждая история представляет собой доведенное до логического конца предположение. Что будет, если запустить ракету на Солнце, если метеорит упадет в Люксембургский сад, если кожа человека станет прозрачной...

Я хотел бы рассказывать эти истории вам на ухо.
Б. В.

Научимся их любить

В детстве у каждого из нас было развлечение – домашние люди. Они сидели в клетке, без усталости крутились в колесе или жили в аквариуме с красивым искусственным ландшафтом.

Однако, помимо ручных людей, есть и дикие. Они совсем не похожи на тех, что обитают в наших сточных канавах и на чердаках, быстро размножаясь и вынуждая нас применять гуманициды.

Не так давно была обнаружена планета, где живут, даже не подозревая о нашем существовании, дикие люди. Находится это странное место близ космострады 33. Дикие люди живут сообща. Они создали большие гнезда, умеют пользоваться инструментами, у них есть даже система общения, основанная на характерном писке. Много легенд ходит об этой планете, где живут дикие существа. Говорят, что у них есть бомбы, которые могут уничтожить всю планету, и что они используют кусочки бумаги вместо денег. Кое-кто рассказывает, что они едят друг друга и строят города на дне моря. Чтобы отделить истину от вымысла, наше правительство, начиная с 12008 года (в рамках программы «Не убивайте их, не попытавшись понять»), отправляет на эту планету исследователей, которые изучают диких людей, оставаясь невидимыми для них. Результаты этих малоизвестных изысканий мы и предлагаем в данной статье.

Вот ее план:

- Дикие человеческие существа в естественной среде обитания.
- Их нравы и способ размножения.
- Как ухаживать за ними в домашних условиях.

Дикие человеческие существа в естественной среде обитания

1. Где можно встретить диких людей?

Человеческие существа водятся в наших галактиках практически повсюду, но единственное место, где они смогли развиваться самостоятельно, – это Земля. Где находится эта планета? Отправляясь в отпуск, нередко прикидываешь, как миновать большие космические пробки. Воспользуйтесь космострадой 33, возможно, более длинной, но зато менее забитой. Притормозив неподалеку от дороги номер 707, вы увидите желтоватую, тусклую галактику. Припаркуйте вашу межпланетную машину и подойдите.

В левой части этой галактики вы заметите довольно старую и потрепанную Солнечную систему, где Земля – единственная планета с признаками жизни.

Понятно, почему люди смогли распространиться здесь, вдали от цивилизации. В этом заброшенном уголке их никто не беспокоит. Говорят, что и саму Солнечную систему случайно открыл турист, у которого сломалась машина.

Земля окружена белым паром, поверхность ее имеет голубоватый оттенок. Это объясняется большим количеством кислорода, водорода и углерода в ее атмосфере.

2. Как их узнать?

Возьмите лупу и рассмотрите дикаря: густые волосы на макушке, розовая, белая или коричневая кожа, лапки с множеством пальцев. При ходьбе люди удерживают равновесие на задних лапках, слегка оттопырив зад. Дышат они (преимущественно кислородом) через две маленькие дырочки, через две другие воспринимают звуки. Еще два отверстия служат для улавливания колебаний световых волн. (Эксперимент Крега: если человеку завязать глаза, он начнет спотыкаться.) Люди не располагают системой радаров, позволяющей ориентироваться в темноте, что объясняет их более слабую по сравнению с дневной ночную активность. (Эксперимент Бронса: поместим человека в коробку и закроем крышку. Через небольшой промежуток времени человек начинает испускать отчаянный писк. Люди боятся темноты.)

3. Как найти людей на Земле?

Существует много способов обнаружить их. Прежде всего это огни в ночное время и дым в дневное. Приземлив вашу межпланетную машину, вы заметите их тропы – большие черные линии.

Иногда в лесу можно встретить людей-туристов, или людей-крестьян, или людей-скаутов.

На Земле множество подвидов человека: водные люди, с черными ластовидными ногами, летающие люди, с большим треугольным крылом на спине, люди-курильщики, постоянно выпускающие пар изо рта.

4. Как к ним приблизиться?

Самое главное – не спугнуть. Не забывайте, что дикие люди с планеты Земля **ДАЖЕ НЕ ПОДОЗРЕВАЮТ О НАШЕМ СУЩЕСТВОВАНИИ!** Большинство из них убеждено в том, что за пределами их Солнечной системы... нет ничего! Они считают себя единственными живыми существами во Вселенной. Многие наши туристы пробовали стать видимыми для них, чтобы вступить в контакт. Всякий раз результат был плачевным: люди умирали от страха.

Не чувствуйте себя оскорбленными. У существ, живущих столь обособленно, эстетические критерии отличаются от общепринятых во Вселенной. **ОНИ СЧИТАЮТ СЕБЯ КРАСИВЫМИ, А НАС БЕЗОБРАЗНЫМИ!**

Это удивительно, особенно если вспомнить, что наши циркачи гримируются под людей и пытаются подражать их движениям.

Кое-кто пытался показаться людям, изменив внешность. Это, конечно, спасало людей от немедленной смерти, но вызывало массу разного рода недоразумений. Все-таки непосредственного контакта с людьми лучше избегать.

N.B.: В лесу старайтесь соблюдать осторожность, вы можете угодить в приспособление, которое люди называют медвежьим капканом.

Их нравы, способ размножения

1. Брачные игры

Когда наступает сезон любви, люди предаются брачным играм. В противоположность хорошо известным павлинам, у людей не самец, а самка украшает себя яркими красками и демонстрирует наряды. Поскольку у людей нет ни перьев, ни гребня, ни раздувающегося зоба, самки наряжаются в пестрые ткани, привлекающие внимание самцов.

Интересная подробность: некоторые части тела самки тщательно прячут, а другие выставляют на всеобщее обозрение. Чтобы стать более привлекательными, они мажут рот китовым жиром и чернят веки угольной пылью. Кроме того, они обрызгивают себя жидкостями с запахом, полученным из половых желез других земных животных, например, горного барана, чьи железы вырабатывают мускус. Они заимствуют половые железы даже у цветов, чтобы добыть аромат пачули, лаванды или розы.

В брачный период самцы издают громкие звуки, похожие на воркование, иногда сопровождают их ударами по коже животных, натянутой на особые приспособления, – люди называют это «музыкой». Такое поведение, напоминающее поведение полевого сверчка, не всегда приносит плоды. В зависимости от того, к какой группе принадлежит самец, он предается любовной игре, либо покрывая свои волосы свиным жиром (помада для волос), либо раздувая, словно зоб, свой бумажник. Последняя форма любовных игр наиболее эффективна.

2. Встреча

Человеческие самцы и самки встречаются в специально отведенных для этого местах – плохо освещенных и шумных ночных клубах. Плохо освещенных, чтобы самец не мог отчетливо рассмотреть внешность самки (он лишь чувствует ее запах – пачули, мускус или розу). Шумных для того, чтобы самка не могла отчетливо слышать речь самца. Она просто ощупывает его более или менее раздутый зоб-бумажник.

3. Размножение

Как происходит размножение диких людей? Наблюдения *in vitro* позволили найти ответ на этот вопрос. Самец входит во взаимодействие с самкой при помощи маленького отростка, размер которого точно соответствует вместилищу в теле самки. Когда введение отростка во вместилище осуществлено, самец и самка начинают двигаться в такт до тех пор, пока у самца не произойдет семяизвержение.

4. Беременность

Люди – животные живородящие. Они не откладывают яйца. Самка вынашивает малыша в животе в течение девяти месяцев.

5. Гнездо

Гнезда людей построены из армированного бетона, их устилают пенопластом и переплетенными волокнами, чтобы сделать стенки мягче. Внутри гнезда притаскивают разнообразные кубические предметы, производящие шум или свет. Попав в гнездо, люди сначала суетятся, а потом успокаиваются в креслах и начинают щебетать.

Первое, что делает вернувшийся в гнездо самец, – мочится, видимо, для того, чтобы пометить феромонами территорию; первое, что делает самка, – ест шоколад.

6. Человеческие обычаи

На человеческой Земле есть экзотические обычаи. В летний период люди мигрируют в жаркие районы. Миграция происходит очень медленно. Люди закрываются в металлических емкостях и в течение долгих часов еле передвигаются. (Эксперимент Вурмса: если на некоторое время оставить человеческого самца в машине, он выйдет оттуда с заросшим шерстью лицом.) Другой обычай: каждый вечер люди включают коробку, испускающую голубой свет, и проводят, глядя на нее, долгие часы в полной неподвижности. Наши исследователи сейчас изучают это странное поведение. Видимо, людей, как и бабочек, завораживает свет.

И, наконец, вероятно, самый непонятный обычай: что-то побуждает людей ежедневно тысячами закрываться в поездах метро, без доступа кислорода и без всякой возможности двигаться.

7. Война

Люди любят убивать друг друга. (Эксперимент Гларка: поместите шестьдесят человек в закрытое помещение и не давайте им пищи – в конце концов, они перебьют друг друга с ошеломляющей свирепостью.) Поля их сражений видны издалека по взрывам и характерному стрекотанию металлического оружия.

8. Общение

В основном люди общаются, заставляя вибрировать голосовые связки. Звуки также видоизменяются при помощи движений языка.

Как ухаживать за ними в домашних условиях

1. Приобретение

Держать дома рекомендуется лабораторные породы. Помещая зверьков в сосуд, не забудьте проделать дырочки в его верхней части, иначе люди погибнут. Помните, что им необходим кислород.

2. Как выращивать людей?

Если вы хотите, чтобы ваши люди размножались, обязательно берите их парами – самца и самку. У самки, как правило, бывает пестрая одежда и длинная грива. Внимание: бывают самки без гривы и самцы с гривой. Чтобы развеять последние сомнения, опустите в сосуд щупальце. Если раздастся пронзительный писк, значит, у вас самка.

3. Как их кормить?

Обычно людям нравятся фрукты, листья и корни, а также трупы некоторых животных. Но они привередливы. Они едят не все фрукты, не все листья и корни, не все трупы. Проще всего кормить их фисташками. Подойдет фисташковый корм из любого гуманимаркета. Можно дать и несколько кусочков размоченного глапнавуэта, который доставит им удовольствие. Внимание: если вы забудете давать корм группе людей в течение двух недель, они сожрут друг друга (см. эксперимент Гларка).

4. Гуманивейник

Искусственное гнездо людей называется гуманивейник. Его можно купить (в гуманимаркете) или сделать самому. Главное – не забыть, повторяем еще раз, проделать маленькие дырочки в верхней части конструкции, чтобы люди могли дышать. Не забывайте следить за температурой и уровнем влажности. При какой температуре лучше всего размножаются люди? При 72 градусах по Йокацу. Забавно наблюдать, как они избавляются от своих разноцветных лохмотьев. Видно, что они хорошо себя чувствуют, счастливы и поэтому начинают усиленно размножаться.

Внимание: если людей в гнезде становится слишком много, необходимо либо увеличить размеры их жизненного пространства, либо отделить самцов от самок.

Лучше всего держать гуманивейник в недоступном для других домашних животных месте. Например, шкронксы, если им удастся продырявить крышку гуманивейника, могут съесть людей.

5. Можно ли есть людей?

Иногда дети едят своих питомцев. Мы проконсультировались с доктором Креггом, который склоняется к мнению, что люди, скорее всего, не ядовиты. Но дикие люди с Земли чрезвычайно плотоядны (они лакомятся жареными, сырыми и даже подгнившими трупами животных), от них можно заразиться туземным вирусом.

6. Можно ли их дрессировать?

Разумеется. Но это требует терпения. Некоторым особенно талантливым детям удастся обучить людей приносить кусочки дерева и даже совершать опасные прыжки. Достаточно вознаграждать их за каждый удавшийся трюк. «Люди иногда бывают настолько ловкими, что кажутся похожими на нас», – могут подумать некоторые, но все-таки не стоит преувеличивать.

7. Как поступить с гуманивейником, если он вам надоел?

Как и другие игрушки, гуманивейник, который так настойчиво требовал ребенок, может со временем ему надоесть. (Когда ребенок говорит: «Подари мне людей! Обещаю, мам, я буду сам за ними ухаживать», помните, что ухаживать за ними он будет дня четыре, не больше.) Проще всего выбросить людей в мусорное ведро или сточную канаву. Если прирученные земляне не погибнут, они столкнутся с людьми, живущими в сточных канавах, перед которыми окажутся совершенно беззащитными. Люди из сточных канав уничтожат изнеженных сородичей, так как бегают гораздо быстрее; они переловят домашних людей и убьют их. Было бы не справедливо обойтись так с нашими маленькими товарищами по играм.

Не знаем, что и посоветовать детям, которым надоел гуманивейник (особенно если он населен дикими людьми с Земли). Может быть, стоит подарить его бедным детям, которые с удовольствием продолжат разведение людей.

Габриель Немро сидел на неудобном стуле у кабинета врача, терпеливо ожидая своей очереди. Вдруг ему почудилось, что висящая перед ним картина закачалась. Потом и вся стена пришла в движение, искривилась и исчезла. Ни на кого из сидящих рядом это не произвело никакого впечатления. А тем временем вместо стены возникло слово, написанное крупными буквами: **СТЕНА**, и рядом, в скобках, следующее: **(ТОЛЩИНА: ПЯТЬДЕСЯТ САНТИМЕТРОВ. СОСТАВ: ШТУКАТУРКА ИЗНУТРИ И ОКРАШЕННЫЙ БЕТОН СНАРУЖИ. СЛУЖИТ ДЛЯ ЗАЩИТЫ ОТ НЕПОГОДЫ)**.

Буквы парили в воздухе.

Несколько секунд Габриель созерцал странное видение, потом перед ним явилось то, что прежде стена скрывала: улица и прохожие. Он встал, подошел и просунул руку сквозь стену. Когда он отошел, то увидел какой-то туман – и стена вернулась на место. Обыкновенная, совершенно обыкновенная стена.

Он пожал плечами и подумал, что стал жертвой галлюцинации. Ведь Габриель пришел на прием к врачу по поводу изматывавших его бесконечных мигреней. Он встряхнулся и решил пройтись.

Странно все-таки это было: вместо предмета – буквы, из которых складывается его название...

Габриель Немро, преподаватель философии в лицее, вспомнил свою лекцию об означающем и означаемом. Не сам ли он говорил своим ученикам, что вещи не существуют, пока их не назовешь? Он потерял виски. Быть может, он слишком увлекается проблематикой своей профессии. Вчера он прочел в Библии: Бог дал Адаму право назвать животных и предметы... Значит, до этого они не существовали?

В конце концов Габриель забыл об этом случае. В последующие дни ничего особенного не происходило.

Однако, спустя месяц, вместо голубя, за которым он наблюдал, он увидел надпись: **ГОЛУБЬ**, и рядом, в скобках: **(327 г, САМЕЦ, ПЕРЬЯ ЧЕРНО-СЕРЫЕ, ВОРКОВАНИЕ ДО-МИ БЕМОЛЬ, ЛЕГКОЕ ПРИХРАМЫВАНИЕ НА ЛЕВУЮ ЛАПКУ. СУЩЕСТВУЕТ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ОЖИВЛЯТЬ ПАРКИ)**.

На этот раз надпись, характеризующая птицу, парила в воздухе секунд двадцать. Габриель хотел коснуться ее рукой, но надпись **ГОЛУБЬ** вместе с тем, что было в скобках, тут же улетела. Только высоко в небе она снова стала птицей, за которой увязались несколько воркующих голубок.

Третий случай произошел в муниципальном бассейне, расположенном рядом с домом Габриеля. Он спокойно плыл, как вдруг увидел надпись: **БАССЕЙН**, и рядом, в скобках: **(НАПОЛНЕН ХЛОРИРОВАННОЙ ВОДОЙ. СУЩЕСТВУЕТ ДЛЯ РАЗВЛЕЧЕНИЯ ДЕТЕЙ И ФИЗИЧЕСКИХ УПРАЖНЕНИЙ ВЗРОСЛЫХ)**.

Это было уже слишком. Уверенный в том, что погружается в безумие, Габриель отправился напрямик к психиатру. И там случилось самое страшное. Выйдя от врача с рецептом успокоительного, Габриель прошел в коридоре мимо большого зеркала. Вместо своего отражения он увидел надпись: **ЧЕЛОВЕК (1 МЕТР 70 САНТИМЕТРОВ, 65 КИЛОГРАММОВ, ВНЕШНОСТЬ ЗАУРЯДНАЯ, ВИД УСТАЛЫЙ, ОЧКИ. СУЩЕСТВУЕТ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ВЫЯВЛЯТЬ ОШИБКИ СИСТЕМЫ)**.

Это было похоже на метеорит, и оно упало в самый центр Парижа, прямо в Люксембургский сад. В то ясное мартовское утро чудовищный удар сотряс окрестные дома, как будто поблизости взорвалась бомба.

К счастью, метеорит упал на заре, и жертв было немного: трое одиноких прохожих, в которых позже опознали торговцев наркотиками. Действительно, чем еще они занимались в Люксембургском саду в такую рань?

Скончалось также несколько человек со слабым здоровьем, которые, услышав шум, умерли от испуга.

– Странно, что этот предмет не нанес больше никакого ущерба, – сказал один выдающийся ученый. – Как будто он не упал, а был положен на Землю.

Однако теперь нужно было что-то делать с огромным, больше семидесяти метров в диаметре, камнем, лежавшим посреди самого знаменитого в мире зеленого массива. Собрались зеваки.

– Да он воняет! – воскликнул кто-то.

И это действительно было так. Метеорит распространял зловоние. Астрономы, к которым обратились за разъяснением, сообщили, что метеориты, падая, иногда проходят через межзвездные серные облака, чем, скорее всего, и объясняется этот жуткий запах.

Журналисты не скупилась на броские заголовки и тут же окрестили камень «космической какашкой». А публика пыталась представить себе огромного инопланетянина, которому она могла принадлежать.

Когда начинал дуть северный ветер, южные кварталы накрывало волной зловония. Как бы плотно люди ни закрывали окна и двери, все было бесполезно. Отвратительный запах проникал повсюду. Едкий, тяжелый, ужасный запах. Спасаясь от него, женщины до одури обливались духами. Мужчины надевали маски из пористого пластика или фильтры из активированного угля, почти столь же неудобные, как настоящие противогазы. Когда люди возвращались домой, их одежда источала стойкий смрад, и, прежде чем снова надеть ее, приходилось до бесконечности стирать и перестирывать ее. С каждым днем запах становился все сильнее. Была выдвинута гипотеза, что внутри метеорита находится органическая разлагающаяся масса.

Даже мухи предпочитали держаться подальше от него.

Никто не мог остаться равнодушным к этому вонючему бедствию. Стенки носа были раздражены, горло горело, язык распух. Астматики задыхались, страдавшие от насморка не решались дышать ртом, собаки выли.

Сначала метеорит стал национальной достопримечательностью, и туристы съезжались, чтобы посмотреть на него, но вскоре «космическое дерьмо» превратилось в проблему номер один города Парижа, а затем и всей Франции.

Жители покинули окрестности Люксембургского сада. Никому больше и в голову не приходило бегать там по утрам. Цены на квартиры падали, вонь распространялась, и люди уезжали все дальше от центра несчастной столицы.

Служба путей сообщения попыталась при помощи подъемных кранов и лебедок сбросить ужасный предмет в Сену, по которой он мог бы уплыть к океану. И черт с ним, с загрязнением окружающей среды. «Спустим воду в унитазе!» – воскликнул мэр. Но ни одна машина не смогла сдвинуть семидесятиметровый экскремент. Тогда его попытались взорвать. Но вещество было столь плотным, что метеорит не удалось ни расколоть, ни даже поцарапать.

Приходилось терпеть присутствие этой зловонной массы.

И тут молодому инженеру Франсуа Шавиньолью пришла в голову идея: «Раз мы не можем ни сдвинуть, ни разрушить его, давайте спрячем его под слоем бетона, чтобы прекратить распространение запаха». Сказано – сделано. И как раньше-то не додумались? Мэр распорядился начать операцию, которую впоследствии назвали «глазированием». Со всей страны привезли самые мощные бетономешалки, самый прочный цемент и обмазали метеорит десятисантиметровым защитным слоем. Но он продолжал вонять. Метеорит покрыли еще одним слоем бетона толщиной в двадцать сантиметров. Вонь не прекращалась. Слой за слоем. Бетон на бетон.

Через месяц поверхность метеорита исчезла под метровой коркой бетона. Теперь он был похож на куб с закругленными углами. Но запах продолжал распространяться.

– Бетон слишком порист, – решил мэр. – Надо найти менее проницаемый материал.

Шавиньоль предложил гипс, обладающий великолепными абсорбирующими свойствами. Он будет впитывать дурной запах, как губка.

Последовал очередной провал. Гипс покрыли стекловатой: «Чередую слой стекловаты и слой гипса, мы получим двойную изоляцию, подобную той, которую используют при строительстве домов».

Углы куба округлились сильнее, но зловоние не уменьшилось.

– Нам нужен материал, не пропускающий ни унции газа, – рычал мэр.

Лбы наморщились. Какой материал может победить подобный запах?

– Стекло! – воскликнул Шавиньоль.

Как он прежде не догадался? Стекло! Эта плотная, тяжелая, непроницаемая субстанция станет самой лучшей защитой.

Рабочие растопили силикатное стекло до получения горячей оранжевой массы, которой и покрыли поверхность метеорита.

Когда стекло остыло, метеорит стал похож на большой светлый и гладкий шар. Он был огромен и прекрасен. Запах, наконец, исчез.

Париж ликовал. Люди подбрасывали в воздух противогазы и угольные фильтры. Жители вернулись с окраин, начались народные гулянья. Вокруг шара, переливавшегося как перламутр, танцевали фарандолу.

Мощные прожекторы освещали его сферическую поверхность, а парижане уже говорили о памятнике в Люксембургском саду как о восьмом чуде света, на фоне которого статуя Свободы – просто безделушка.

Мэр произнес краткую речь, в которой не без юмора заметил, что «находит совершенно естественным, что этот огромный мяч находится в городе, обладающем лучшей в мире футбольной командой». Ему оглушительно аплодировали. В раскатах смеха растворились все былые страдания. Франсуа Шавиньоль был награжден медалью, и треск фотовспышек увековечил молодого ученого рядом с гигантским гладким шаром.

А в это время в другом измерении пространства ювелир-инопланетянин Глапнавуэт принимал клиентов.

– Фантастика! – воскликнула покупательница-центаврийка. – Какой красивый искусственный жемчуг! Как вам это удалось?

Глапнавуэт хитро улыбнулся.

– Секрет.

– Вы больше не используете устриц?

– Нет. Я придумал, как выращивать более крупные и блестящие жемчужины. Устрицы обволакивают искусственное ядро перламутром, но их полировка не идеальна, а мой новый метод дает великолепные результаты.

Покупательница поднесла лупу к ближайшему из своих восьми шарообразных глаз и убедилась, что качество работы, действительно, было безукоризненным. Жемчужина, освещенная голубым светом лампы, переливалась тысячами огней. Центаврийка никогда прежде не видела ничего столь прекрасного.

– Вы использовали животное или машину? – заинтересованно спросила она.

Ювелир напустил на себя таинственный вид и его волосатые уши побагровели. Он хотел сохранить в секрете свое изобретение. Но, поскольку клиентка настаивала, прошептал:

– Я использую животных. Совсем маленьких животных, умеющих делать жемчуг лучше, чем устрицы. Так вам положить ее в футляр, или хотите сразу надеть?

– Я возьму футляр.

Центаврийка пришла в ужас от цены, которую заломил торговец, но ей очень хотелось получить драгоценность. Столь совершенная жемчужина, несомненно, произведет впечатление на ее центаврийских приемах. Она уже представляла, как во время ближайшего праздника поместит ее среди своих восьми грудей.

На следующий день ювелир Глапнавуэт, вооружившись щипчиками для бровей, поспешил отправить новую соринку в самый центр Люксембургского сада. Еще более крупную и пахучую, чем прежняя. Точно на то же место, что и первую. Для увеличения производительности еще по одной такой же соринке он положил на Красную площадь в Москве, в Центральный Парк в Нью-Йорке, на площадь Тяньаньмэнь в Пекине и на Пикадилли-Сиркус в Лондоне. Он обеспечил свое будущее. Если все пойдет хорошо, он будет получать с этой маленькой голубой планеты Солнечной системы от пятидесяти до ста жемчужин в год. И все это – практически даром. Достаточно всего одного вонючего шарика, купленного в магазине «Фарсы и розыгрыши». Конечно, потом придется долго отмывать руки, чтобы исчез дурной запах, но игра стоит свеч.

Все подруги покупательницы-центаврийки пришли в восторг от искусственной жемчужины Глапнавуэта и тут же захотели купить такие же.

Та, что тревожит мои сны

Идеальная женщина?

Это египетская богиня, это Нут.

В пять часов утра, когда солнце еще розовое, она принимает ванну из молока ослицы и цедит свой любимый аперитив из жемчужины, растворенной в уксусе из старого коринфского вина. Для любой другой женщины этот напиток был бы ядом. Усердные служанки делают ей массаж, а оркестр играет ее личный гимн.

Это единственный гимн, где вокальную партию исполняют не люди, а хор из восьми тысяч трехсот соловьев.

Затем Нут завтракает вымоченными в миндальном молоке листьями эвкалипта. Потом она приступает к макияжу.

Нут сама толчет краску в ступке из слоновой кости и наносит серебряную пыль на свои прозрачные веки с длинными загнутыми ресницами. Она оживляет цвет губ мазью из лепестков мака. Красит ногти на ногах и руках лаком из чернил осьминога.

На ней лишь туника из золотых нитей и всего две драгоценности: кроваво-красный рубин в волосах и сапфир в углублении пупка.

На мочки ушей и шею Нут наносит три капли белого мускуса, настоящего на бергамоте. Эти духи приготовила для нее старая критская рабыня, которую она привезла из путешествий по северным варварским странам.

Нут никогда не бьет рабынь. Только если они красивее, чем она сама. Но это случается редко.

Слуги ждут ее приказаний.

Когда она говорит, ее серьги сверкают, как роса, когда она ходит, браслеты на щиколотках громко звенят.

Ей приводят ее кошку. Гепарда зовут Самбрал, и он живет только для нее.

Нут ничего не делает, боясь натрудить руки. Нут убеждена в том, что от работы появляются морщины и сокращается продолжительность жизни. Нут не ест, она пробует. Нут не дышит, она трепещет.

Нут не только женщина. Нут еще и звезда, как Солнце и утренняя Венера.

Прирожденная владычица (утверждают, что она дочь ветра), Нут не боится мешаться с толпой, особенно по воскресеньям во время бегов утконосов в долине Нила.

Иногда Нут покидает свои сады. Цветы при ее появлении источают самые тонкие ароматы, надеясь привлечь ее внимание. Тщетно.

Порой Нут приобретает одежду из черной кожи (покоряясь, как она говорит, «плебейским фантазиям»); Нут любит подчеркнуть свою простоту), но она никогда не опускается до того, чтобы ее носить.

В полдень Нут ест пиццу. Она любит, чтобы пицца была без анчоусов, с большим количеством каперсов, с добавлением душицы, моцареллы из молока буйволицы, с острым оливковым маслом первого холодного отжима. Мука должна быть из пшеницы, выросшей на солнце, а тесто выпечено на углях из сандалового дерева.

К пицце подается зеленый листовой салат, причем только его сердцевина (Нут ненавидит угрюмый хруст жесткой зелени на зубах). Соус бальзамик подается, конечно, отдельно, он должен быть температуры человеческого тела и ароматизирован тмином.

Нут не ходит, она скользит, Нут не говорит, она поет, Нут не смотрит, она наблюдает, Нут не слушает, она внимает.

Вернувшись к себе, Нут иногда играет на лютне. Она ласкает инструмент хрупкими пальцами с длинными ногтями. Утверждают, что тот, кто слышит ее игру, испытывает чувство, подобное глубокому опьянению.

Когда на склоне дня она проходит в свою гостиную, солнце меркнет, так как не хочет становиться ее тенью. То, что она боится мышей, не имеет никакого значения.

Во время ужина Нут принимает гостей. Она сочиняет изысканные приветствия, которые записывает на раскрашенных папирусах. Потом она читает их гостям. Все восхищаются ее умом.

У Нут есть брат Гипозиас, который тайно любит ее и запрещает любому мужчине старше тринадцати лет приближаться к ней. Но она знает, что, как только встретит юношу, достойного себя, то без колебаний устранил Гипозиаса.

Вечером, когда тьма покрывает небо и гасит облака, Нут, равнодушно облокотившись на перила балкона, размышляет о тайне своей жизни и странностях Вселенной.

Рука ее перебирает лежащие в пиале кедровые орешки, перемешанные с кисловатыми на вкус коконами шелковичного червя.

Прежде чем она отправится спать, мудрец рассказывает ей правдивую историю мира. Он говорит ей о битвах богов во мраке прошедших времен. Повествует об оглушительном грохоте сталкивавшихся друг с другом сил природы, создававших скромный мир смертных. Он вспоминает сказки о невидимых народах, в которых домовые, кентавры, грифоны, херувимы и прочая нечисть бьются за влияние на разум смертных. Он поет славу побежденным героям, бившимся за осуществление своей мечты.

И она размышляет...

С недавнего времени Нут предается новому развлечению – завоеванию соседних стран. Она уже покорила Намибию и победила орды нумидийцев на юге. К несчастью, армия Нут состоит в основном из батавских наемников, молдавских лучников, швейцарских пращников, атласских львов с клыками, отравленными цианистым калием, из страусов с клювами, утыканными бритвенными лезвиями, огнедышащих орлов, прирученных карликовых слонов, чьи хоботы изрыгают смолу, и ястребов, умеющих обливать противника кипящим маслом. Она не может тягаться с современными армиями двадцать первого века. Поэтому Нут ищет того, кто мог бы модернизировать ее войско. Она хочет, чтобы он хорошо владел саблей, был принцем страны, не меньшей, чем государство самой Нут, умел дрессировать слонов, был хорошо одет, не плевался на улице, не ковырял в носу, не замечал ничьей красоты, кроме красоты Нут, чтобы владел современной техникой кинезитерапии и не имел никаких – ни военных, ни семейных – обязательств (Нут не нужна еще и свекровь на шею).

Нут хочет, чтобы он был послушным, но диким. Изысканным, но развязным. Покорным, но дерзким. Нут не собирается помирать с ним со скуки. Он должен быть спокойным, но склонным к душевным порывам. Красивым, но не осознающим своей красоты. И у него обязательно должна быть красивая красная машина с объемом цилиндра в три тысячи кубических сантиметров, а в банке счет и драгоценности, надежно спрятанные в сейфе с цифровым замком. При соблюдении последнего условия, все остальное несущественно.

Если вы знаете кого-нибудь, кто может заинтересовать Нут, свяжитесь с редакцией, ей передадут.

Отпуск на Соколиной горе

Июнь. Солнце сияет, воздух легок. На улице полно девушек в блузках с глубоким вырезом и джинсах в обтяжку и мужчин в майках и черных очках. В этом году Пьер Люберон решил на все свои сбережения сделать себе подарок – необычное путешествие. Он собирается отправиться в прошлое. Это нужно испытать хотя бы раз в жизни, говорит он себе, решительно открывая дверь агентства, которое продает туры в прошлое.

Его встречает симпатичная служащая.

– В какой век вы желали бы отправиться? – любезно спрашивает она.

– В эпоху Людовика XIV! Я всегда мечтал об этом времени! Достаточно перечитать Мольера или Лафонтена, чтобы убедиться, какими утонченными были тогда люди. Я хочу увидеть сады, фонтаны, лепнину и скульптуры Версальского дворца. Хочу приобщиться к искусству галантности, имевшему такое значение при дворе. Хочу вдохнуть еще не загрязненный воздух Парижа. Попробовать помидоров со вкусом помидоров. Хочу фруктов и овощей без пестицидов и фунгицидов. Хочу выпить не пастеризованного молока. Я хочу узнать их настоящий вкус! Хочу узнать время, когда люди не дурели по вечерам у телевизоров, когда умели веселиться, вести беседу, интересоваться другими. Я хочу поговорить с мужчинами и женщинами, которые не принимают антидепрессанты перед тем, как отправиться в офис.

Служащая улыбается.

– Как я вас понимаю, сударь. Это действительно прекрасный выбор. Приятно видеть ваш энтузиазм.

Она берет бланк и начинает его заполнять.

– Вы не забыли о необходимых прививках?

– Какие прививки! Насколько я понимаю, я отправляюсь не в страну «третьего мира»!

– Конечно, но, видите ли, гигиена в то время...

– Я хочу отправиться в 1666 год, чтобы присутствовать на «Мнимом больном», представленном Мольером двору! Я не еду тонуть в болотах бирманских джунглей! – возмущается Пьер Люберон.

Служащая говорит примирительно:

– Конечно, но в 1666 году во Франции еще случались эпидемии чумы, холеры, туберкулеза, ящюра и тому подобного. Вы должны сделать прививки против этих болезней, иначе вы можете привезти их с собой. Это необходимая мера предосторожности.

На следующий день Пьер Люберон приносит медицинскую книжку, страницы которой пестрят печатями.

– Я сделал прививки против всего и даже больше. Когда я могу уехать?

Служащая проверяет печати, потом протягивает ему маленький путеводитель.

– Вы найдете здесь советы, которые будут вам полезны. Еще несколько рекомендаций: принимайте каждый день нивакин и ни в коем случае не пейте воды.

– Что же тогда можно?

– Спиртные напитки, конечно! – громко басит высокий бородач, вошедший в агентство.

– Спиртные напитки? – удивляется Пьер, оборачиваясь.

– Месье прав, – подтверждает служащая. – В 1666 году лучше пить спиртные напитки. Ячменное пиво, мед, вино, амброзию... Спирт убивает микробы.

– К счастью, тогда были великолепные напитки, – подхватывает клиент. – Например, вино из ячменя! Потом поделитесь со мной впечатлениями.

Пьер смотрит на него с сомнением.

– Вы что, уже бывали в 1666 году?

– И не раз! – отвечает бородач. – Я великий путешественник по времени и пространству. Позвольте представиться: Ансельм Дюпре, к вашим услугам! Заслуженный турист, автор «Руководства для путешественников по времени». Я исследовал уже немало эпох.

Ансельм садится, его взгляд устремлен вдаль.

– Я профессиональный турист. Помогал строить пирамиду Хеопса в Египте. О, какая незабываемая атмосфера царила на стройке! Там был один потрясающий тип, постоянно балагурил, да так, что мы от смеха пополам сгибались. Я гарцевал рядом с Александром Великим и видел победу над персами при Арбелах. Может, Александр и его генералы и были гомосексуалистами, но воевали они отлично! Вы выбрали эпоху Людовика XIV? Прекрасное время. Если представится возможность, попробуйте типичное для того периода блюдо – садовую овсянку[Садовая овсянка – птица отряда воробьиных. Некогда французские гурманы особенно любили есть эту маленькую птичку в запеченном виде. Сейчас охота на нее во Франции запрещена. (Прим. редактора).] под «Егерским» соусом. Потом расскажете.

У Пьера бородач вызывает недоверие. Он поворачивается к служащей.

– Еще какие-нибудь рекомендации?

– Да. Вы встретите людей того времени. Не знакомьте их с современными техническими достижениями. Не рассказывайте о будущем. Никогда не признавайтесь в том, что вы – турист из другого времени. Если возникнут какие-нибудь трудности, немедленно возвращайтесь.

– Ну, и с чего мне начать?

Молодая женщина протягивает ему предмет, похожий на калькулятор и снабженный разнообразными кнопками.

– Вот сюда введите желаемую дату и вот тут подтвердите ее. Так вы создадите квантовый перекресток, который и перенесет вас в нужные пространство и время. Будьте осторожны, не перепутайте время возвращения. Прибор рассчитан только на одну поездку. Ошибаться вы не должны.

– Ни в коем случае! – подхватывает Ансельм Дюпре. – Ошибаться нельзя, иначе вы застрянете в прошлом. У меня так вышло с друзьями. Я много раз пытался их отыскать, но не знаю, где именно они находятся. Искать человека по всей планете и так достаточно трудно, но найти его, не представляя, в каком он времени, просто невозможно.

Служащая протягивает Пьеру желтый листок.

– Желаете подписать «Темпоро-помощь»?

Пьер разглядывает листок.

– Что это?

– Страховка. Если у вас будут неприятности, спасательная команда отправится на ваши поиски. Мы выручили уже немало туристов, затерявшихся во времени.

– Это дорого?

– Тысяча евро. Но, подписав контракт, вы получаете гарантированную помощь на любой случай. Я настоятельно вам рекомендую.

Пьер размышляет.

– Я тоже позволю себе посоветовать вам воспользоваться этой услугой, – говорит бородачатый клиент. – Я без нее никогда не выезжаю.

Тысяча евро – это почти треть цены билета. За какую-то страховку! Не стоит преувеличивать, решает Пьер Люберон. Для обычных путешествий он никогда не принимал таких мер предосторожности, не будет делать исключений и в этот раз. Это же просто отдых, в конце концов!

– Нет, простите, но это очень дорого. Я не хочу.

Служащая возводит глаза к небу.

– Жаль, вы рискуете пожалеть о вашем решении.

– Я его уже принял. Еще какие-нибудь советы?

– Нет, теперь вы можете ехать. Введите в прибор год и пункт назначения вашей поездки и нажмите вот здесь, – говорит служащая, протягивая ему красный калькулятор.

Пьер надевает костюм эпохи Людовика XIV, купленный у костюмера с киностудии. Он берет с собой лишь кожаную сумку без отличительных временных особенностей. Потом удобно усаживается на стул, вводит нужную дату и нажимает на кнопку выезда.

Париж. 1666 год.

Первое впечатление, ошеломившее Пьера, – запах. Город воняет мочой. Да так, что Пьеру хочется нажать на кнопку возвращения. Он сдерживает дыхание, прижимает к носу платок. Кое-как он справляется с этой мерзостью.

Следующий удар – мухи. В таком количестве Пьер не видел их нигде, даже в странах «третьего мира». Надо сказать, что и человеческих экскрементов на улицах города в таком количестве он нигде не видел. Он спешит на торговую улицу. Повсюду яркие вывески. Башмак обозначает мастерскую сапожника, бутылка – таверну, курица – лавку торговца жареным мясом. Продавцы оглушительно кричат, чтобы привлечь покупателей. Все говорят по-французски, но для современного туриста это звучит дико и вовсе не похоже на язык Мольера.

Пьер Люберон едва успевает увернуться от помоев, которые выливает из окна какая-то хозяйка. Боже, он никогда не думал, что в XVII веке так грязно! И постоянный запах мочи и тухлятины! Естественно, ведь нет ни канализации, ни водопровода, ни мусоропровода, ни службы уборки улиц. Повсюду шныряют крысы, свободно разгуливают свиньи, роясь в отбросах. Свиньи и крысы – дворники той эпохи.

Улицы узкие и извилистые. Пьеру кажется, что он попал в нескончаемый зловонный лабиринт.

Лавки кожевников добавляют новых едких запахов.

Пьер думает о том, что у XXI века есть не только недостатки. Он идет дальше, улица становится шире и выводит к виселице на Соколиной горе. Наконец-то известное место. Наконец-то он чувствует себя туристом. На телах повешенных сидят вороны. Там, где на землю пролилось семя казненных, растут мандрагоры. Значит, легенда не врет.

Маленьким цифровым фотоаппаратом Пьер делает несколько снимков, его друзья будут поражены.

Он направляет свои стопы туда, где, как ему кажется, должен быть центр города, и обнаруживает несколько памятников и исторических мест: каре Тампля, двор Чудес. Пьер переполнен образами и звуками эпохи. Поездка становится интереснее. Если бы не одуряющий запах, экскурсия была бы почти приятной. Он заходит в таверну выпить кружку ячменного пива, терпкого и теплого, сожалея о том, что холодильников еще не существует. Затем продолжает прогулку, подыскивая постоянный двор для ночлега.

И теряется на какой-то улочке. Мух вокруг него становится все больше. Он видит, что их привлекают не только человеческие испражнения и мусор, но и трупы. «Тупик Душегубов» – гласит надпись на стене, и как раз под ней покоится тело без признаков жизни, с перерезанным горлом.

– Позовите стражу! – кричит Пьер прохожим.

Какой-то человек отвечает ему неразборчивой фразой. Народный старофранцузский, без сомнения. К счастью, Пьер предвидел, что язык этого времени будет не слишком понятен. Имплантированный в ухо протез-переводчик приходит ему на помощь.

– В чем дело, ты чего? – оказывается, спрашивает прохожий.

Протез-толмач подсказывает Пьеру слова: «Нужно сообщить в полицию». Тут собеседник Пьера замахивается дубиной и точно рассчитанным ударом оглушает туриста. Теряя сознание, Пьер успевает увидеть, как прохожий удирает с его кожаной сумкой.

Пьер приходит в себя, когда какая-то девушка накладывает ему жгут. Острым ножом она ранит его прежде, чем он успевает ей помешать; из раны хлещет кровь.

– Что вы делаете, несчастная?

Девушка пожимает плечами.

– Кровопускание, конечно. Вам стало плохо, я притащила вас к себе, а вы на меня кричите в благодарность!

Она хохочет, потом хватает влажное полотенце и вытирает ему лоб.

– Лежите спокойно, вас еще лихорадит. Не нужно было драться на улице.

Пьер потирает себе голову... вспоминает, что на него напали в тупике Душегубов... И украли сумку с прибором, который должен помочь ему вернуться в свое время!

Он совершенно подавлен, он понимает, что навсегда остался узником прошлого.

Пьер медленно поднимает глаза на свою спасительницу. Девушка молода, грациозна и не лишена известного очарования. Но одно сильно смущает Пьера. От нее пахнет, как в зверинце. Она, видимо, не мылась с самого рождения.

– Что такое? – спрашивает барышня. Еще того хуже, когда она говорит. Из ее рта несет гнилью, а вид черных зубов ужасен. Она, несомненно, не знакома ни с зубной пастой, ни с дантистами, может быть, лишь с зубодерами. Скорее всего она ни разу в жизни не чистила зубы.

– У вас нет аспирина? – спрашивает Пьер.

– Чего?

– Ой, извините, я хотел сказать, отвара коры плакучей ивы.

Девушка сдвигает брови.

– Вы знаете лекарственные травы?

Она настораживается и разглядывает Пьера так, словно уже жалеет, что спасла его.

– Вы случайно не колдун?

– Нет, вовсе нет.

– Во всяком случае, вы очень странный, – замечает она, нахмурившись.

– Меня зовут Пьер. А вас?

– Петронилла. Я дочка сапожника.

– Спасибо за то, что спасли меня, Петронилла, – говорит он.

– Ох, наконец-то немного благодарности. Я вам приготовила гоголь-моголь, господин странный странник, всему удивляющийся и сам удивляющийся.

Она приносит ему неаппетитный желтовато-белый отвар с плавающими в нем кусочками хлеба и репы. Пьер проглатывает жирную жидкость, ему хватает ума не просить ни чая, ни кофе.

– Можно подумать, что, с тех пор как вы пришли в себя, вы не в себе, – продолжает девушка.

– Понимаете, я приехал из провинции, где люди помешаны на банях и...

– Бани? Парильни, вы хотите сказать?

Она объясняет Пьеру, что эти места телесных омовений давно превратились в места разврата. Более того, ученые установили, что от горячей воды кожа трескается и организм отдан на волю всем заразным ветрам, и подозревают, что пресловутые парильни – рассадники чумы.

«Видимо, эти заведения вызывают недовольство Церкви», – думает Пьер.

Слова Петрониллы подтверждают его догадку:

– Господин кюре запрещает нам посещать парильни. Он говорит, что добрым христианам

нечего делать в местах, где жарко и влажно, словно в аду.

«Забавно будет по возвращении написать диссертацию о гигиене в XVII веке», – приходит в голову Пьеру.

– Ну, хватит разговоров, отдыхайте, – приказывает девушка.

Будит его караул, пришедший арестовать его. Петронилла донесла на него. Пьера обвиняют в колдовстве, торжественно препровождают в тюрьму и бросают в застенок, где уже сидят двое заключенных.

– За что вы сюда попали?

– За колдовство.

– А вы?

– За колдовство.

– Все за колдовство?

Пьер замечает предмет, выглядывающий из-под жилета одного из сокамерников.

– У вас есть фотоаппарат!

– А что, вы знакомы с фотографией? – восклицает тот.

– Конечно, я из XXI века. А вы?

– Тоже.

Пьеру становится легче.

– Я в отпуске, – рассказывает он. – Мне не повезло. Сначала я пострадал от ловкой руки, потом от святого креста. И вот теперь попал сюда.

– Мы все здесь туристы по прошлому! – замечает третий пленник.

– Да, и они принимают нас за колдунов.

Откуда-то доносятся жуткие вопли, трое задержанных трепещут.

– Мне страшно. Что они с нами сделают? Конечно же, станут пытаться, пока мы не сознаемся в сговоре с сатаной, – вздыхает обладатель фотоаппарата. – А потом повесят на Соколиной горе.

Пьер думает, что скоро сам будет выращивать мандрагоры. Он весь во власти воспоминания о повешенных с их синими языками и головами, на которых сидят вороны. Как это далеко от Версаля и пьес Мольера. Ох, если бы он не потерял свою машину времени! Он шевелится, и ржавые цепи впиваются в запястья.

Третий «колдун» сохраняет полную невозмутимость.

– А вы не очень-то переживаете, – говорит ему Пьер Люберон.

– Я подписал страховой контракт с «Темпоро-помощью». Если я в течение трех часов не подам условный сигнал, они меня переместят автоматически. Что, кстати, скоро и произойдет.

И он действительно внезапно исчезает, оставив после себя лишь пустые обвисшие цепи и легкий синеватый дымок.

– Это только укрепит подозрения наших тюремщиков, – замечает другой турист и дует, стараясь рассеять дымок, который можно принять за колдовской.

Пьер, терзаемый острой тревогой, кусает губы.

– Ах, если бы я тоже подписал контракт с «Темпоро», как мне советовали...

Дверь темницы со зловецким скрипом отворяется, и входит человек внушительного роста, в красной маске, закрывающей пол-лица. Это палач. Лицо его, кажется, знакомо Пьеру Люберону. Эта черная борода... Да ведь это Ансельм Дюпре, составитель «Руководства для путешественников по времени»! Что он здесь делает? На секунду у Пьера возникает надежда, что Дюпре явился, чтобы спасти его. Но времени больше нет. Вооруженные люди тащат Пьера к виселице, а Дюпре готовится предать его казни.

– Надо было слушать меня, – шепчет он на ухо Пьеру. – Я ведь не только автор «Руководства», преданный своему делу и готовый на любую работу в любой эпохе, чтобы добыть

информацию для читателей. Я еще и занимаюсь маркетингом в «Темпоро-помощи».

Палач накидывает веревку Пьеру на шею и начинает затягивать ее. Жизнь Пьера Люберона держится на маленькой табуреточке, по которой скользят его ноги. Пьер закрывает глаза, и лучшие мгновения его прошлого проносятся перед его мысленным взором.

Дюпре снова подходит к нему и бормочет:

– «Темпоро-помощь» начала рекламную кампанию для туристов, отправляющихся в отпуск в июне, перед основным летним потоком. Этот период мы делаем льготным. Ведь студенты еще не сдали экзамены, и, перенеся время отпуска, можно избежать давки. Что вы об этом думаете?

– Действительно, отличная идея, – признает Пьер Люберон, запинаясь.

– Наши клиенты – просто панурговы овцы. Все едут в июле и августе, а в июне агентства почти без работы, да и дороги пустые.

– Это точно, – с трудом произносит Пьер. – Просто что-то неслыханное.

– Вот вы выбрали июнь. Это хорошо. Как жаль, что вы не воспользовались предложением «Темпоро-помощи»! Я, конечно, мог бы быть настойчивее. Но у нас очень строгие правила этики: не навязываться.

– Конечно, – соглашается Пьер, судорожно сглатывая слюну.

– Иначе у нас будут сложности со Службой контроля туризма.

Толпа вокруг уже скандирует: «Смерть колдуну! Смерть колдуну!»

– Кстати, – спрашивает Пьера палач, – если вы сейчас не погибнете, когда возьмете отпуск в следующем году?

– В июне. В июне или уж в сентябре. Вы правы, нужно отдыхать в более свободные от толчеи месяцы. Как и в этот раз, чтобы избежать большого потока июля – августа.

Палач, спрятавший лицо под красной маской, кажется, крепко задумывается. Толпа начинает проявлять нетерпение.

– Вы поедете в июне и возьмете страховку «Темпоро-помощи»?

– Конечно! Я даже друзьям ее порекомендую. Но про свои неприятности, разумеется, рассказывать не буду.

– «Темпоро-помощь» всегда думает о своих клиентах – и настоящих, и будущих. Добро пожаловать в наше агентство.

Величественным жестом Ансельм Дюпре вкладывает в связанные за спиной руки Пьера красный калькулятор, на котором высвечивается цифра 2000. Пьер нажимает на кнопку, клянясь себе, что это его последнее путешествие в прошлое, несмотря ни на какую «Темпоро-помощь». На будущий год он бронирует себе место в пансионате на Лазурном Берегу. И в июле, как все.

Хватит экстрима.

Манипулирование

Меня зовут Норбер Петироллен, я инспектор полиции. Долгое время я полагал, что полностью контролирую свое тело, пока не настал день, когда я столкнулся с проблемой. Ситуация была совершенно невероятной: моя левая рука меня не слушалась.

Я не знаю, как она обрела свободу, но мои муки начались, когда я решил почесать нос.

Обычно я делаю это правой рукой, но в тот момент я читал книгу и решил, что проще будет воспользоваться левой. Она даже не пошевелилась. Я не обратил на это особого внимания и как обычно почесал нос правой рукой.

Инцидент повторился. Однажды моя левая рука бросила руль в тот момент, когда правая переключала скорость. Я еле успел развернуть машину, изо всех сил вцепившись в руль правой рукой. Дальше – больше, левая рука отказалась держать ложку, и правая была вынуждена сражаться со спагетти в одиночку.

Моя реакция была простой: я заговорил с ней. Я сказал:

– Что с тобой происходит? В чем дело?

Поскольку у левой руки нет рта, ответить она не могла, но то, что она сделала, меня чрезвычайно удивило: она показала на мою правую руку, а точнее, на серебряную цепочку, украшавшую правое запястье. Возможно ли, чтобы левая рука завидовала правой?

В недоумении я расстегнул зубами замочек цепочки на правой руке и надел ее на левое запястье. Может быть, это игра моего воображения, но мне показалось, что левая рука стала вновь мне подчиняться. Она отправлялась чесать нос после первой же просьбы. Она крепко держала руль, пока правая переключала скорость. Отныне она была послушной и хорошо воспитанной рукой.

Все шло прекрасно до того дня, когда левая рука вновь не взяла независимости. Я был на спектакле в «Гранд Опера», и тут она принялась щелкать пальцами, да так, что я был вынужден выйти под шиканье публики. И она отказалась объяснить мне свое варварское поведение.

Теперь левая рука все время бесила меня. Она смешила людей, залезая в карманы и вылезая из них, дергала меня за волосы, не давала правой руке подстричь на себе ногти, что стоило мне многочисленных порезов. Иногда ночью она будила меня, засовывая пальцы в нос, так что я начинал задыхаться.

Разумеется, я не собирался сдаваться. Но левая хотела мне что-то втолковать и настаивала на том, чтобы я уделил ей немного внимания. Страшного врага одолеть нетрудно, но когда противник постоянно копошится у вас под боком и прячется в кармане ваших брюк, справиться с ним не так-то просто, уверяю вас.

Потянулись незабываемые недели. Левая рука воровала вещи в супермаркетах и предательски совала украденное под нос охранникам, ставя меня в ужасное положение. Не знаю, что бы я делал без моего полицейского удостоверения.

Когда я приходил в гости к друзьям, она как бы случайно опрокидывала хрупкие безделушки и статуэтки.

Она залезала под юбки к самым консервативным дамам и позволяла себе даже гладить чужую грудь, в то время как я и правая рука спокойно пили чай. Я получил много пощечин, на которые моя левая рука отвечала непристойными жестами.

В конце концов я рассказал о своих неприятностях другу, психоаналитику Оноре Падю. Он ответил, что все это вполне нормально. Полушария головного мозга находятся в противоборстве: левое подчинено разуму, правое – страсти. Левое – сознательному, правое – бессознательному. Левое – порядку, правое – безначалию. Левое – мужское, правое – женское.

– Но почему же, если левое полушарие заведует порядком, левая рука творит все больше глупостей?

– Потому что контроль за ней осуществляется противоположным полушарием. Правый глаз, правая рука, правая нога подчиняются левому полушарию и наоборот. Подсознание, которое ты слишком долго подавлял, пытается привлечь к себе внимание. Обычно это выражается в нервных срывах, приступах гнева, истериках. У тебя же это проходит несколько необычным образом. Фрустрация правого полушария выразилась в бунте левой руки. Очень интересный случай. Представим, что твое тело – целая страна, и один регион взбунтовался. Франция помнит сепаратистские движения вандейцев, бретонцев, басков, каталанцев. Ты столкнулся с внутривнутриполитическим кризисом организма. Совершенно естественный процесс.

Меня несколько успокоило, что у психоаналитика нашлось хоть какое-то объяснение, но неприятности, связанные с «бунтующим регионом», росли и множились. Они уже мешали мне работать.

В комиссариате моя левая рука баловалась с кобурой лежащего на столе револьвера. Она уничтожала рапорты, поджигала спички и бросала их в корзину для бумаг, дергала за уши сотрудников, стоящих выше меня.

Я был вынужден спросить левую руку, чего ей хочется. Может быть, перстень с правой руки? Но левая рука завладела ручкой и с трудом (поскольку я правша) написала: «Заключим контракт о сотрудничестве».

Мне показалось, что у меня начался бред. Сотрудничать со своей рукой! Когда она принадлежит мне с рождения! Не может быть и речи о том, чтобы подписывать контракт с тем, что и так тебе принадлежит. Левая рука была всегда в моем распоряжении. Она – моя. И, поскольку она вроде бы слышала внутренний голос, я ей сказал:

– А еще чего?

Она снова взялась за перо:

«Мне нужны карманные деньги, чтобы я могла жить так, как хочу. Иначе я сделаю твою жизнь невыносимой».

Я попытался умаслить ее маникюром. Очаровательная молодая женщина с нежными руками занялась ею и привела в порядок. Ногти сияли. Предательница была чиста и безукоризненна, но все это несколько не смягчило ее. При первой же возможности, она везде выводила: «Сотрудничество или саботаж!»

Я не поддался шантажу. Однажды левая рука схватила меня за горло и попыталась задушить. Правая с большим трудом ослабила ее хватку. Теперь я понял: левая рука опасна. Но и я мог стать таким же. Я предупредил ее:

– Если ты будешь стоять на своем, я тебя ампутирую.

Конечно, такой выход меня и самого не особенно привлекал, но я не желал жить в постоянном страхе перед враждебной неуправляемой рукой. Чтобы доказать свою решимость, я надел на нее горнолыжную перчатку, надеясь, что это немного ее успокоит. Никакого результата. Я подверг руку заключению в дубовый ящик собственной конструкции, не позволявший ей сжиматься в кулак и оставил там на всю ночь. Утром я почувствовал, что она вся мокрая от унижения. Тюрьма – радикальное средство против строптивых рук. Теперь она поймет, кто здесь главный.

«Я, Норбер Петироллен, безусловный хозяин всего организма, от кончиков пальцев до мозга костей, владелец органов и их ответвлений, единственный ответственный за маршрут гормонов, желудочного сока, судья тока крови и нервных реакций. Я властелин своего тела. Титул этот принадлежит мне по праву рождения. Любое стремление какого бы то ни было органа к сепаратизму будет жестоко подавлено», – повторял я, словно Людовик XI, объединитель земель.

Я освободил руку из тюрмы, и недели две она вела себя прилично. А потом схватила мел и написала на стене: «Свобода, равенство, сотрудничество». Это было уже слишком. Может быть, и право голоса, если уж на то пошло? Моя правая рука будет голосовать за правых, а левая – за левых.

Я заковал ее в гипс на неделю. В клетку! Если кто-то спрашивал, что случилось, я отвечал, что упал, катаясь на лыжах.левой руке было не по себе. Вечерами она грустно скребла ногтями по гипсу. Я человек добрый, и наконец я освободил ее. Левая рука затрепетала, снова увидев солнце.

После этого я больше не мог пожаловаться на свою левую руку, и вернулся к своим обычным занятиям, но однажды все снова перевернулось с ног на голову. Я расследовал чудовищное преступление: убийство продавщицы супермаркета, которую задушили накануне вечером. Было вполне очевидно, что это гнусное преступление было совершено не ради денег. Тело несчастной лежало рядом с открытой кассой, полной банкнот. Я снимал отпечатки пальцев, чтобы отправить на экспертизу, и каково же было мое изумление, когда я понял, что это отпечатки моей левой руки.

Расследование тянулось долго. Я вел его в строжайшей секретности, чтобы меня, если можно так сказать, не схватили за руку. Но чем дальше я распутывал дело, тем больше улики указывало на то, что преступление совершила моя левая рука. Она, кстати, пока длилось расследование, вела себя нагло, словно издевалась надо мной, барабанила гаммы на столах, словно говоря: «Ты хотел войны, ты ее получил».

Меня терзал вопрос: как моя левая рука смогла утянуть все мое тело на место преступления, да так, что я этого не заметил?

Я допрашивал свидетелей. Они говорили, что видели меня накануне недалеко от места преступления.левой рукой я опирался на трость. Возможно ли, чтобы этот недостойный отросток моего тела переместил меня во сне, пользуясь тростью, как опорой? Нет! Запястье у меня не такое сильное, чтобы нести 85 килограммов не склонного к сотрудничеству мяса. А бунт пока выше запястья не поднялся.

Я опять обратился к врачу, и он объяснил мне, что я поражен очень редкой болезнью. Он хотел показать меня своим коллегам и написать о моем случае диссертацию. Я убежал со всех ног, к великому сожалению моей левой руки, которая цеплялась за двери, чтобы задержать меня.

Вернувшись домой, я решительно допросил левую руку. Каждый раз, когда она начинала врать, я бил ее по пальцам железной линейкой. Сначала, конечно, она пыталась защищаться – бросала мне в лицо ручки и ластик, до которых могла дотянуться. Но я привязал ее к ножке стола и бил телефонным справочником до тех пор, пока она не согласилась писать. Телефонные справочники бьют очень больно, а следов не оставляют. В полиции стараются избегать телесного воздействия, но иногда бывают случаи, когда нужно заставить подозреваемого заговорить.

Левая рука согласилась сотрудничать. Она написала:

«Да, это я убила продавщицу. Ты не обращал на меня внимания, и я не нашла другого способа заставить тебя вспомнить обо мне».

– Каким способом ты увлекла все мое тело на место преступления?

Рука написала:

«Я много страдала, пока была в гипсе, но у меня было время подумать и составить план. Я применила гипноз. Когда ты заснул, я ущипнула тебя, чтобы разбудить наполовину, а потом раскочала у тебя перед глазами маятник, чтобы заставить повиноваться. Правая рука согласилась держать блокнот и я написала: “Иди в супермаркет”. Ты пошел. Там оставалась всего одна продавщица, она пересчитывала выручку. Мы были одни – поразительная удача! Я бросилась на

нее, ты последовал за мной, я ждала ей горло».

О, ужас! Я никогда не смогу оправдаться перед начальством. Кто мне поверит, если я заявлю, что моя левая рука совершила убийство, поскольку чувствовала себя оставленной без внимания?

Я долго сомневался: наказывать ли левую руку?

Надо ли сгрызть на ней ногти до крови?

Мы смотрели друг на друга, я – во все глаза, она – всеми пальцами. Она была красивая, моя левая рука. Просто великолепная рука. Она может и щипать, и хватать, и резать. Пальцы действуют независимо друг от друга, твердый кончик ногтя позволяет скрести и расщеплять волокнистые материалы. Своими руками я могу очень быстро печатать полицейские отчеты, играть в сотни игр, мыться, перелистывать книги, водить машину. Я многим им обязан. Только когда вы теряете вещь, вы понимаете, насколько она была незаменима. Мои руки – чудо механики. Никакой робот не может сравниться с ними.

Мне нужны мои руки. Даже непокорная левая.

Я пришел к заключению, что все-таки лучше с ней подружиться. В конце концов, эта рука мне хорошо служила в прошлом и очень пригодится в будущем. Она хочет автономии – тем лучше. У меня всегда будет советчик... под рукой. Я решил подписать со своей левой рукой контракт о сотрудничестве.

Итак, правая рука представляла мои интересы, а левая – свои собственные. Основная статья контракта гарантировала левой руке немного карманных денег и еженедельный маникюр. В ответ она соглашалась участвовать в любой деятельности, которой занято все тело. Она будет раскачиваться в такт при беге, будет помогать правой руке играть на гитаре и так далее. Кроме того, левая рука будет пользоваться всеми преимуществами, связанными с принадлежностью к моему организму: терморегуляцией, кровоснабжением, системой оповещения о боли и помощью других органов, когда нужно прекратить страдания, ежедневной уборкой, одеждой по погоде, девятичасовым ежедневным отдыхом.

Так я получил мощного союзника, который всегда рядом и безгранично мне предан. Кстати, это левая рука подсказала мне бросить работу в полиции и открыть собственное детективное агентство: АЛРП, то есть Агентство «Левая Рука & Петироллен».

Кое-кто утверждает, что в агентстве хозяйничает и все важные решения принимает моя левая рука, но это злые, завистливые языки. Наверное, потому, что три четверти времени они проводят взаперти, в вонючих ртах, в компании зубов, покрытых налетом. Так можно и клаустрофобию нажить. Они хотят быть такими же независимыми, как моя левая рука. И это понятно.

Вчера новости по телевизору были чудовищными.

Из-за этого я плохо спал.

Несколько раз просыпался в поту и в жару.

Наконец провалился в глубокий сон, и мне приснилось дерево, которое быстро росло, вытягивая ветви к небу.

Ствол становился толще, изгибался, потрескивал, когда появлялись листья; они раскрывались, а затем опадали, чтобы дать дорогу новым почкам.

Приглядевшись, на коре можно было заметить тысячи маленьких черных копошащихся точек. Это были не муравьи, а люди. Подойдя вплотную, вы видели младенцев, ползающих на четвереньках, они поднимались на ноги, становились подростками, взрослыми людьми, стариками. Время у них шло в ускоренном темпе.

Все больше черных точек гроздьями растекалось по коре гигантского дерева. Чем выше становилось дерево, тем многочисленнее делались точки. Люди образовывали длинные цепочки, ползущие по коре. Когда встречалась ветка, они останавливались. Когда достигали листьев, огибали их или взбирались на них. Иногда листок падал, и люди падали вместе с ним.

Ночью мне приснилось дерево, а утром пришла в голову идея.

Может быть, у истории есть циклы...

Может быть, какие-то события можно предвидеть, немного поразмыслив над тем, что уже случилось в прошлом...

У футурологов уже есть некоторые гипотезы на этот счет. Они заметили, что...

Каждые одиннадцать лет на планете происходит скачок насилия (они даже связывали это явление с выбросом магмы на солнечной поверхности).

Каждые семь лет случается обвал на бирже.

Каждые три года повышается уровень рождаемости.

Естественно, все это совсем не просто, но почему бы не попробовать предвосхитить будущее.

Вдруг, изучая прошлое, мы избежим катастроф.

Вдруг, рассмотрев кривую логической или возможной эволюции, мы сможем предвидеть какие-то ситуации.

Уже давно специалисты обсуждают экспоненциальный демографический рост на Земле. Каждый раз они приходят к выводу, что, пока удастся производить все больше и больше еды, ситуация не становится угрожающей. Но теперь мы знаем, что пища эта бедна витаминами и олигоценами, так как мы применяли слишком много удобрений и этим истощили почву. Достаточно ли богата Земля, чтобы прокормить человечество, вдвое увеличивающееся каждые десять лет? Не ждут ли нас войны за выживание?

Сможем ли мы связать все эти явления, чтобы предвидеть изменения, к которым они приведут в будущем?

Сегодняшним утром мне представилось, как в совершенстве постигшие науки мужчины и женщины – социологи, математики, историки, биологи, философы, политики, авторы научно-фантастических романов, астрономы – собрались в некоем уединенном месте. Они образовали Клуб провидцев.

Я представил, как эти специалисты предприняли попытку объединить свои знания и интуицию для составления разветвленной схемы – древа возможного будущего для человечества, планеты, сознания.

Может быть, их мнения не совпадут, это не имеет значения. Они могут даже ошибаться. Не важно, кто из них будет прав, а кто – нет, они только рассчитают, без каких-либо нравственных оценок, возможные варианты будущего человечества. Это будет банк данных всех сценариев будущего.

На листьях древа будут написаны предположения: «Если разразится мировая война», «Если придет в упадок метеорология», «Если обнаружится нехватка питьевой воды», «Если клонирование станут применять для создания бесплатной рабочей силы», «Если удастся построить город на Марсе», «Если окажется, что мясо заражает всех, употребляющих его в пищу, неизвестной болезнью», «Если человеческий мозг удастся подключать непосредственно к компьютеру», «Если радиоактивные вещества с затонувших русских атомных подводных лодок попадут в океан»...

Могут быть и более безобидные или будничные предположения: «Если вернется мода на мини-юбки», «Если увеличится возраст уходящих на пенсию», «Если сократится рабочее время», «Если снизятся нормы загрязнения окружающей среды автомобилями».

Таким образом, это огромное древо раскинет ветви и листья возможного будущего, которое ожидает людей.

Появятся новые утопии.

Результаты работы подмастерьев предвидения будут представлены только в схемах. Они не претендуют на роль «предсказателей», но укажут логику развития событий.

С помощью древа возможного будущего мы сможем выбирать то, что я назвал ПНН: «Путь наименьшего насилия». Мы поймем, что решение, кажущееся непопулярным в настоящий момент, позволит избежать серьезных проблем в близком или далеком будущем.

Древо возможного поможет политикам преодолеть страх потерять своих избирателей, и они станут действовать с большим прагматизмом. Они смогут заявить: «Древо возможного показывает, что такие-то мои действия приведут к таким-то негативным последствиям в ближайшее время, но зато в будущем мы избежим такого-то и такого-то кризиса, а если я не предприму этих действий, то существует вероятность такой-то и такой-то катастрофы».

Конец ознакомительного отрывка книги

[Скачать полный вариант книги](#)